

Вот, наконец, пробила ватную глухоту!
Слышно: в железной печке – бешеные дрова...
Всё от воздушной тяги в сэндвичевой трубе,
штрейфлинга выше, к туче всходит кудрявый дым.

Я люблю телогрейку, ещё – армейский бушлат.
(От бессердечных виршей, Господи, огради!)
В снежный денёк ноябрьский думая: «сирота!» –
вытащи Парацельса «Ботанику», да не плачь.

...Запотевают ружья, взятые в дом в мороз,
мигом в стволах зеркальных – слёзками! – конденсат.
Досками и фанерой проруби на реке
нынче позакрывают: всё не долбить пешнёй!

От подколодных мыслей грозно смела? душа.
Град в грандиозном снеге, в стаях отважных птиц.
Как я люблю селиться в гостиницах (хоть каких!) –
всюду развешать платья, запарить зелёный чай...

Думала, что пропала, так НЕ ПИСАТЬ стихов
в ошеломленье страшном, в двадцать втором году! –
– Мир, хоть и с ног сшибает, так же всё юн и свеж,
в локоть толкает: что ты, в рифму, в рифму пиши!

Что ж, хоть об стенку бейся, хоть обмирай в тоске, –
не совместить миллионы разноголосых правд,
не отвратить летящих пуль, не закрыть рукой,
не залечить ушибов, ран не зарубцевать...

...Смотрит из поднебесья в нас незнакомка-Жизнь.
Как на затмение солнца мы на неё глядим.

Посвящается Колонелю Штопорилло

В быту одиноком я только словам госпожа, –
спасибо за то, что задумано так изначально! –
я знала, что жизнь одуряюще будет свежа,
но не представляла, насколько она станет печальна...

О, вещи домашние, в вашем пространстве парю,
и малым предметом нисколько не пренебрегаю,
и микроволновке «спасибо» всегда говорю,
один телевизор, как правило, вечно ругаю...

Теперь не прельщает тибетских небес бирюза,
и страсть моя, прыть моя, видно, уже не в зените...
«Не надо брехать!» – говорю я, – «Глядеть мне в глаза!» –
и лгуций мне в кадре смешался, сказав – «Извините!»

Ни складчатых даже, как нэцке, оранжевых тыкв
не нужно; пусть волны морей не играют со мною,
но рада корявым (как курица лапой!) собраниям букв,
ещё – аметистовым вспышкам грозы над Москвою.

Везде бродит ЭТА, небрежно накинув шинель,
всё чёрные, борзая, держит мешки наготове;
ах, острый, как бритва, появится вдруг Колонель,
армейский полковник, вот именно, пане-панове...

...Как перед лавиной воздушная мчится волна,
случайному путнику лёгкие вмиг разрывая, –
так ухнет в бездонную пропасть война-не война,
пока что сокрытые свитки небес – раскрывая...

Снайпер с крыши, странно не таясь,
с кем-то по мобиле говорит...
Нет! там, верхотуры не боясь,
чистильщик шурует, деловит
снежный... камуфляжные штаны...

...Голод тыщерук, многоголов.
Одри хлеб средь Мировой Войны
луковки тюльпанов размолов,
испечёт...

...Ах, голодно, темно,
где в затворах чифирят зека, –
да на папиросы – в домино,
да кривые строчки с потолка, –
ловят, где в ночи шумит тайга...

Да и у меня замрёт душа,
стоит лишь представить ход планет
над моею бедной головой,
там, за атмосферой земной...
Некому сказать мне: «Бог с тобой!»

Лишь возьму да кольца посмотрю,
миленьким подаренные мне.
«Ох, простите!» – стулу говорю
налетая на него во тьме.

Лишь возьму понюхаю духи,
или чьи-то перечту стихи,
или на медовый свет в окне
золотом, – в декабрьском милом дне

погляжу... Судьбе что скажешь – зря:
так, оставив смуглый локоток,
очи долу, закусив платок,
сетует крестьянка на царя!

Иль представлю, ото сна восстав,
как на склоне этих горьких лет
теповизор видит силуэт: –
зелен и оранжев мой состав!

СОВЕТНИК

*24 февраля 2022 года закрылось посольство России
в Киеве, на Воздухофлотском проспекте*

Больше в посольстве никто не живёт.
Что им и Воздух и Флот?
Сдержан и немногословен, не пьёт, –
Зверь Одинок, – или пьёт?

Неодобрительно зыркает кот.
Здравствуй, Поджатый Рот!

Полно вставлять «очевидный крах»,
жизнь, в двадцать пятый кадр!..
В Ялте проснёшься – а снег в горах,
в тучах амфитеатр.

Воздух из многих пластов, пластин
чуден, неуместим..
(пусть их! – весенний холодный Крым
греками нелюбим!)

на эльсиноры татар плевать;
в номере дыбом кровать;
меркнет, на доли разъят апельсин, –
съесть или поцеловать?

Зверь Одинок – советник. Нехай
в шар головы во мгле
тычется рыба «бахчисарай»,
рыба «чуфут-кале»...

К сведенью всех: узел бурь в окне,
раздрай-караван-сарай,
строй кипарисов, грустным-грустён,
с оперной пальмой газон –

в память Победы в великой стране
Виктором назван он!

...Лишь оторви-да-брось из Москвы,
(этой никто не указ!)
лепит, смеясь: «да постоит Вы!
сколько ж у Вас синих глаз...»

КОШКИ НЕ КУРЯТ

вдруг Латакия или Алеппо –
что-то из Свифта?
...о как! – безумно тяжёлые в кадре
очи султана...

это молельные коврики, сейфы,
древний фарсийский,
это отличие от – вежливой речи –
непринуждённой...

это монеты, печати и перстни,
блюда, кувшины,
страсть и безумье весёлое рынков,
их театральность.

буквы-подковы, и змеи, и серьги,
буквы-кальяны,
буквы-сидящие женщины, лодки,
буквы-самумы...

буквы-павлины, серпы, о, изделия
кузни, пекарни...
Вагнер – имею в виду, композитор, –
не при делах здесь.

я, без ножных кандалов, без наручных
(рифмы, да, рифмы!) –
к недоумению иных, к возмущению
праздно гуляю.

всё что желаю – то наблюдаю
здорово и живо,
лишь бы отчаяньем или печалью
не подавиться.

нет, я не пью, не курю, не рыдаю,
только труждаюсь,
а за поддержку спасибо вам, братья.
Сёма и Коля.

кошки не курят, собаки не курят,
деревья не курят...
стихотворенье, из воздуха взято, –
в воздух вернётся.

* * *

*спи, радость моя, ещё сонно и рано,
и за горизонтом – тайга
без предела,
до самой окраины, до океана, –
стоянки сохатых
по водоразделам...*

В школе, естественно, звали меня «Ермолай»,
равную вам, охламоны, и вам, обормотки...

...Ты, называющий «Мася» и «Зая», сияй
ночью с дождём на усах и цыганской бородке,
вечно с букетами роз, васильков, налегке...

...Призрачна цель, но какие ухлопаны средства!
вспомнила форменный ад, как заснула в тоске
в койке умершей, любимой моей с малолетства:

в сне, как в подзорной трубе, ураган тёмных клякс,
сплохи света и острые плоскости ветра...

может быть, именно старость страшнее как раз
Господи, смерти, а та не сложнее амперметра...

Был красавец и жуир – стал кабан Депардьё,
и неприятен реально мне в кадре отныне,
кстати и рифма вбежала, лови: бульвардьё...
(это не к вам, о растенья сирийской пустыни).

Средь недотыкомов, нетопырей и ханыг
много – в любителях мозг ежедневно буравить.
Нет бы, как у Пастернака: – приник и отник!
Переключаю. И нечего тут шепелявить...

...Чувствовать чьё-то дыханье, и ночью глухой
чують от лестничной клетки воздушные токи.
Что я тут делаю? – коль в то же время по той
встарь лесовозной, заглохшей ступаю дороге,

сплошь в бородатых лишайниках – мшистой тайгой,
следом за призраком – был мне награда и радость...

...водораздел, и сохатый (ружьё под рукой) –
гложащий кору осины, – прегорькую сладость...

* * *

*Инспектору Хинганского заповедника
Ивану Адаменко*

В сине-зеркальный ствол,
чистишь оружие, глянь:
как из тела душа
вырвется в небеса!..

Кажется, на реке
стал
потрескивать
лёд.

Там, вдалеке, Амур,
нет, ещё не Китай;
розовый лотос всё
озеро полонил...

вольно гнездятся здесь
даурские журавли!

...Вон, в лабазе, в мешках
в цвет аметистов, соль,
дивно крупна, груба, –
лакомство для лосей.

...В спальнике зябко спать:
в лапах твоих, Хинган,
затрепетала тайга...

мечется в тьме костёр,
снится: идёт пожар! –
сбить немедля огонь
пенно-воздушной струёй!..

...Приветлив и круглолиц
в невидном своём дворе:
то наводнение тут,
то нету снега зимой.

В Аркадьевке, в Архаре
дымно: пустили пал.
Ахилл быстроногий, мчи
от черепах огня!
«Апорий» Зенона чтец –
дописывает диплом.

P.S. Слушая пианиста
прямо над головой,
шлю Вам, Иван Андреич,
нежный дальний привет!

* * *

Я себя и не помню такой: мокрый снег (пить хотелось!) жующей
среди детдомовской гиблой шпаны – каждый недоросль, ослух!..
Низачем, просто так, на рыбалке, кривясь, достающей
целлофановый рыбий пузырь: странно, в рыбах – и воздух!

О, как я ненавидела одеколон «Кара-Нова»,
слепоты же куриной страшась, с её горе-цветами...
Не поверишь, одна, за болотом, среди царства лесного
распевала в верхушках деревьев как птица, часами!

...Жизнь моя тут, над Нижнею Масловкой, двадцать восьмого,
из среды снегопада ужасными зырит глазами...

Мне ничто не мешало... Хотя от советчиков рьяных,
от зрачков этих рысьих, от чёрного ногтя, от сглазу
я себя ощущала как фельдшер среди зачумлённых,
сельский фельдшер, что лечит, махнувши рукой на заразу.

...Эти простосердечные речи, подъёмные краны,
материнские эти картофельные кожурки...
Мне ничто не мешало с тобой, даже и тараканы,
что коньячные рюмки нанюхивали на Каширке.

* * *

бьётся энергия в грейдерный снежный вал,
в пышной зайчиной деревне флюгер вертит...
так Леонардо движенье нам рисовал:
веер фигур смещён, как звезда летит.

...о, это мхом набивались в срубе пазы,
светло-зелёным; с болотищ несли в кулях.
вспомни хотя бы бледный язык козы,
косточки, стёклы в детстве на пустырях.

белый передник – ой! и чернильный круг! –
нет, не была я лучшей среди учениц...
...иль Тимирязевки ало-жемчужный вдруг
в поле, во тьме – запотелых огонь теплиц.

...этот кошмар, фараонов плен – мужицкий полон.
даже в кино не противен был Будулай.
что вы и ждали: рассвет, на Динамо лай,
и – скорбно-важно спящий, как фараон...

всё, что задумано (полно, о чём ты тут!) –
в сущности, можно сказать теперь, не сбылось.
как же мне нравилось в бане свиванье в жгут
и отжиманье от влаги больших волос!..

видишь, энергия, я и ни ем, ни сплю,
чуть ли не в путь собралась, стою налегке.
вырви как пулю из полости гиблой, молю,
и удержи, хоть на миг, мне в кулаке.

КИНО «НЕНАСТЬЕ»

Синеглазый тихоня решил преступить и посметь –
(с этим именем оперным, надо же, как иностранец!) –
– «Не скобли изоляцию!» – в смысле: «Довольно триндеть!»
говорит в этом фильме другому «афганцу» «афганец...»

Жутковата нарядная ночь, когда солнце на месте стоит,
недотыкомки, также утырки в TV барагозят.
Что-то звякалка, чайная крышка лепечет навзрыд:
бэтээры, «вертушки» «двухсотых», «трёхсотых» увозят...

...Как ты, мальчик, лежишь неудобно, неладно упал,
недоступен и хмур на развешенных всюду портретах,
с дорогой кинокамерой: век бы снимал и снимал! –
с зарубежной эстрадою на допотопных кассетах...

И «Кундуз», и «Баграм», и «Шинданд», – где ступала милова нога, –
не стереть, не соскресть, как с предплечия татуировку.

...Согдианский идальго при школе ускрѐб все снега,
и в подсобку ушёл досыпать, на ходу отряхая ветровку.